

НИКОЛАЙ КОНОВСКОЙ

БРАТЯ И СЁСТРЫ МОИ...

БАБОЧКА

Взлетает с добычей, на землю стремительно пав,
Распластанный хищник. Дурманит полуденных трав
Разлитая вечность.

С дерев поднебесных янтарная каплет смола,
И бабочка — диво — порхает, легка и светла, —
Святая беспечность.

Скажи: эти травы, и птицы, и бархатный шмель
В пространствах грядущих надмирных всего лишь — ужель! —
Созвездия праха?..

А милая гостья в стозвонной медовой глуши
На камень холодный моей безотрадной души
Садится без страха.

НА БЫВШЕМ ЕВРЕЙСКОМ КЛАДБИЩЕ

Какое столетие ныне, и месяц, и год,
И где этот избранный, изгнанный Богом народ?
Всё кануло в Лету...
Движение крон в поднебесном просторе слезу,
Под рюмку на старом еврейском кладбище сижу,
Которого нету.

КОНОВСКОЙ Николай Иванович родился в селе Варваровка Алексеевского района Белгородской области. Окончил Литературный институт имени Горького. Автор книг "Равнина", "Твердь", "Зрак", "Врата вечности", подборок в периодической печати. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

Холодная супесь объяла упорство и пыл.
Ни духа Завета, ни следа старинных могил,
Ни света страдания.
За кромкой озёрной закат кровото́чит, распят,
Да вечные сосны над вещью бездной шумят,
Взрывая сознание.

Есть край непостижный в надмирной своей чистоте,
Последняя правда и милость откроются где...
Здесь бури да ветры,
Как тыщи мятущихся, в дверь затворённую бьют...
Иль что-то родное сыновнему праху поют
Ливанские кедры.

СЛУЖБА

*Сёстрам Свято-Пантелеимонова
женского монастыря г. Браслава*

О бедность и скудость — суровая правда земли! —
И гул затаённый, едва различимый вдали,
Соснового бора!
А всё-таки стоит, пусть даже мучительно, — жить,
Когда в отдалённом безмолвии чайка кружит
Да блещут озёра...

И время само замедляет стремительный ход
Под кровом, где медленно-медленно-медленно служба плывёт
Дыханьем надмирным,
Где ветры поклоны за стенами истоиво бьют,
И кроткие сёстры хваленье Творцу воздают
Распевом старинным...

И чудится будто, что всё уже произошло,
Священным елеем уж влита в распевов стекло
Грядущая вечность.
И стелется ладан, и медленно служба идёт,
И кончилось время, и вот она, страшная, вот —
Блаженная вечность!

МОСКВА

...Вот возвратился я, не уезжая
В свой призрак давний, где до слёз любимо
И близко сердцу только лишь одно:
Намоленной кадильной тишины
Звучанье в глубине старинных храмов
Да разговор мгновенный — взгляд во взгляд —
О потаённой сокровенной боли
С таким же неприкаянным скитальцем,
Спешащим по делам своим... Ещё?

Ещё — когда наступит март,
А с ним — холодных дней преображение, —
Дыханье ветра влажного в лицо
Почудится, как обещанье свыше
Того, о чём уж и не вспомнить сердцу.
Ещё? Ещё живой пока, когда вдохнёшь

Оттаявший и горьковатый запах
Деревьев, зиму перезимовавших
В безмолвной пустоте пространных скверов,
Оживших ныне, но...

Но сон блаженный
Усиьем воли стряхиваешь и
Глядишь вокруг себя с недоумением:
Всё, всё, что было дорого, теперь
Как будто бы попало в тяжкий плен
Иль наваждением дьявольским ему
Вдруг подменили душу, и она,
Почти не помня прежнюю себя,
Слабеет, вопиет, изнемогая.

И я — кто я? — не зверь, не человек...
Брожу устало средь нагроможденья
Каких-то неживых, стальных уродов,
Держащих достать до Бога; средь
Витрин, реклам, телес раздетых — всё! —
Всё на продажу! Выхвати, успеи!

А может статься, это и не я,
А — молвить странно! — тот, ветхозаветный
Доживший до последних дней Иона
Во чреве бродит страшного кита,
Который по своей безумной воле
На берег смерти в умопомраченье
Сам выбросился в бурю...

Ты, Москва!..

ПАЛОМНИКИ

Как ни жестоки обиды
В лютые, злые года,
Но к чудотворцам в обитель
Люди идут, как всегда.

Смирные, в бедной одежде,
В древний стекаются скит,
Где и Амвросий утешит,
И Серафим исцелит.

В душах, омытых страданьем,
Внемлющих взорах живых —
Лишь на Тебя упованье,
На преподобных Твоих!

Зришь ли их тяжкий достаток —
Пепел в разжатой горсти.
Эти и есть тот остаток,
Что обещал Ты спасти...

Неотвратимое брезжит
Не за далёкой горой...
Только молитвою держат
Небо над грешной землёй

Малые дети и жёны...
Лица в дорожной пыли...
Радостно и отрешённо,
Предуготовясь, взошли

К Неупиваемой Чаше,
Жертвенной Чаше любви —
Вечные. Русские. Наши.
Братья и сёстры мои.

МЕСТОБЛЮСТИТЕЛЬ СЕРГИЙ (Со слов келейника)

В зиму, сбиравшую дань
Смертную, на Иордань
В помощь живым и убитым
В Битвы решающий год
Был совершён крестный ход
Сергием, митрополитом.

В неумолкающий ад
Был погружён Сталинград, —
В крошево, в ужас столикий.
Зовом отеческим в храм
Насмерть стоящим войскам
Были молитвы владыки:

“Господи воинств святых,
Ты, низвергающий злых,
Как воссиявшим потиром,
Чашей небесной любви
Родину благослови
Несокрушаемым миром!”

Битвы победный конец
Видел духовный отец,
А пред собою дорогу
Вечную; как ни страдал
Телом, душой воссылал
Благодарение Богу.

.....
Вещих полей бытие...
Есть кто-то, зревший сие,
Местоблюстителя кроме?..
Солнце ещё не взошло —
Радио передало́
Весть о немецком разгроме.

НАДПИСИ

Как будто предосенним светом
Пронзён, сию смирен и тих.
О, книги умерших поэтов
С простыми надписями их!

Над пожелтевшими листьями
Склоняясь, чувствую вину.
Забывших временем — достану,
Вновь бережно их разогну.

И вот из царства-государства,
Живым где лишь себе кажусь,
Вне времени и вне пространства
Безжалостного окажусь.

Витаю или обретаю
Мысль, неподвластную уму?..
К стопам бесплотным припадаю,
Невидимую руку жму...

* * *

Меж упованьем и крахом —
Вспышка слепого огня!..
Вечность рассыпалась прахом.
Нет ни тебя, ни меня.

Хватка у времени — волчья.
Видятся наедине
То ли свиданья воочью,
То ли свиданья во сне.

РУССКИЙ ОКЕАН

Буквально на наших глазах
Русский Океан
Превращается в пересыхающее море.
Море затем
Постепенно превратится
В неприметную стороннему глазу
Речку.
Малая, неприметная чуждому глазу
Речушка,
Выбиваясь из последних сил,
В кровь разбиваясь на камнях преткновений,
Снова и неизбежно впадёт
В бесконечный необозримый океан
Милосердного Царствия Божия...

Поздравляем нашего автора и друга с 60-летием!